

Елена Дженкинз

Контракт стервы

УДК 7.04
ББК 85
Д40

Дженкинз Е.

Д40 **Контракт стервы / Елена Дженкинз. – М.: Литнет, 2026. – 284 с.**

ISBN 978-5-521-99468-7

Можно ли испелить врага и не обжечься? Где грань между сильной женщиной и обычной стервой? И сколько скелетов в шкафах у двух враждующих семей?

Скоро я это выясню. Ведь я подписала «контракт стервы» в надежде победить своего конкурента за наследство, бабника Максима Езерского.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99468-7

© Литнет, 2026

© Дженкинз Е., 2026

Глава 1

- Фрэнки, Фрэнки... Франсуаза. Ты снова подвела саму себя.
- Да.
- Стыдно?

– Знаете, Иосиф Иларионович, у меня голова до сих пор болит, поэтому даже стыда нет. – Я поморщилась и поудобнее улеглась в терапевтическом гамаке, подвешенном в кабинете семейного психолога. Иосиф Столетов – так звали этого тирана... то есть, титана мысли. Ему исполнилось восемьдесят три года, и он лечил мозги еще моему отцу, когда тот был склонным к паранойе мальчиком.

Иосифа, которого мы с младшим братом ласково прозвали «Сталин», я боялась. Во-первых, отец так и остался параноиком, а к этому добавилось человеконенавистничество. Во-вторых, Иосиф часто использовал неодобренные наукой методы, он их сам изобретал. Любил поиздеваться над людьми. Назвать меня Франсуазой была его идея. Франсуаза Константиновна Уварова, для друзей – Фрэнки. Кто запомнит полное имя с первого раза – тому конфетка.

Кстати, именно Иосиф крестил меня и моего брата. Настоящий спрут, а не человек. Он был для папы вроде оракула, как Распутин.

К психологу родители не отправляли меня вот уже полгода, но я снова вляпалась по самое не хочу, когда с просьбой обратился мой преподаватель, глава Фонда помощи писателям, потерявшим вдохновение. Он попросил организовать литературный вечер на папиной яхте – и депрессивные писатели едва не потопили ее, как «Титаник», устроив дебош и избив капитана. Ошалев и утерев бдительность, тот случайно направил яхту прямо в грузовую баржу, накануне севшую на мель под Строгинским мостом.

Отец запрещал приглашать на яхту гостей из благотворительных фондов, но... я не умела говорить «нет» людям, которые обращались за помощью. Я считала это своим достоинством, однако роди-

тели и Сталин уверены, что моя доброта – это обычный комплекс вины перед миром за семейное богатство. По их мнению, я была «проклята избыточной добротой и бесхребетностью». Это, кстати, официальная выдержка из диагноза, поставленного Иосифом.

У отца, страдавшего приступами неконтролируемой агрессии, диагноз звучал иначе. «Настоящий мужчина» – так описал его Столетов. Он тридцать лет работал над книгой, которую до сих пор не закончил, и любил зачитывать отрывки во время сеансов.

«Настоящий мужчина должен вызывать трепет и ужас. Уважение – это ерунда, недоразвитый страх, и руководителю оно не нужно. Уважения требуют только слабаки, неспособные контролировать эмоции других людей, не умеющие нажимать в мозгах подчиненных «волшебные кнопки» и парализовать страхом, как ядом...»

Термин «волшебные кнопки» навеки пополнил мой словарный запас.

Яхту на выходных я предоставила своему преподавателю исключительно потому, что отца не было в городе и он не сумел вовремя поставить меня на место. Говорить «нет» просителям я не умела из-за «бесхребетности», но с отцом дела обстояли куда хуже. Ему я боялась противостоять, до зубной боли, до мурашек и обморока.

Папу мы с братом нежно называли Сатаной. Он был моим кукловодом и знал все мои слабые места – те самые «волшебные кнопки», на которые любил нажимать, блокируя сознание.

Отец часто так и обращался ко мне: моя марионетка.

Но при этом он повторял, что я не безнадежна: у меня были кое-какой ум, красота и умение легко втереться в доверие. Так что я оставалась единственной претенденткой на семейный «трон».

И вот... яхта едва не пала смертью храбрых прямо на Москверекe. После грандиозного скандала, который устроил папа, меня и направили к психологу.

Утро понедельника клонилося к обеду, а я лежала в гамаке и ждала нотаций от Иосифа. Профессиональный психолог не стал бы говорить клиенту гадости, но Сталин любил высказаться.

– Фрэнки, ты ужасный человек. Идиотка и тряпка. Как ты можешь просыпаться по утрам и смотреться в зеркало без тошноты? Я ведь собирался на следующих выходных устроить на яхте юбилей для матери, а теперь придется менять планы. Ты хоть представляешь, во сколько твоему отцу влетит ремонт?!

У Иосифа все еще была жива мать, которая имела непомерную власть над ним. Вдвоем они жили в «домике Столевых» в нашем поместье. Как в былые времена меценаты селили в своих имениях художников и архитекторов, так отец обустроил их.

Завтра, первого декабря, госпоже Столетней исполнится сто лет.

– Моя мать в твоём возрасте шла и голыми руками заваливала медведя, чтобы прокормить нас! Она в одиночку построила дом!.. Нет... Нет. Прости, Фрэнки, но ты даже не человек. Ты бесполезный мешок ДНК.

– Знаю, Иосиф Иларионович.

Спорить со ним было себе дороже. Он начинал злиться и швыряться шахматными фигурами. Доска всегда возвышалась перед ним на столе, и он играл сам с собой.

Мать у Иосифа и правда была женщина-гром. Именно потому, что она родилась настолько прекрасной и сильной, ее сын никогда не женился: мать стала его идеалом, все остальные – мешки ДНК.

– В общем, так. Мы поговорили с твоим отцом и составили контракт. Если ты его не выполнишь, то Костя подарит ваш бизнес этим идиотам из «Дола». Он уже составил и заверил акт передачи.

– В каком смысле?! – Я даже с гамака поднялась.

«Дол» – российская компания, которая занималась производством меховых шуб и других изделий из натуральных материалов. Они не раз попадали в скандалы в связи с использованием шкур редких и вымирающих видов животных. «Дол» был нашим главным врагом. Что-то вроде кровной ненависти, которая тянулась несколько поколений.

А я была экологическим активистом, волонтером «Гринпис», послем доброй воли «Юнеско». Я возглавляла благотворительный

фонд отца и мечтала в будущем встать у руля «Константы», нашей корпорации, которая была одним из передовых, экологически безопасных производителей одежды и техники в России.

Я ненавидела меховые шубы и циников из компании «Дол», а особенно их президента Максима Езерского – Егеря, неприязнь к которому впитала с молоком матери. Меня дрессировали, как собаку Павлова, чтобы при виде него я теряла контроль и даже доброту. Чтобы, слышав отцовское «ату!», бросалась и загрызала.

Надо сказать, метод действенный: Егерь был единственным человеком в мире, к которому у меня не было ни капли сострадания.

И ему достанется «Константа»? Это розыгрыш?!

– Сядь! Или приляг. Но не стой, как виселица на Голгофе! – Сталин нахмурил густые, причесанные брови. – Отец заблокировал твои банковские карты на декабрь, пока будет длиться контракт. Сможешь расплачиваться только наличкой в органическом... в ограниченном количестве. А то знаю я тебя. Снова на благотворительность разбазаришь! В общем, подпиши.

Он достал распечатанный контракт в двести восемь страниц. Шрифт мелкий.

– Что ты там пытаешься вычитать?! Подпиши, тебе сказано.

– Иосиф Иларионович, вы мне ручку не дали.

Пока он искал письменные принадлежности, я пробежалась глазами по тексту.

«Клиент обязуется вести себя, как последняя сволочь... Отказывать всем, кто обратится за помощью, в грубой форме...»

– Это шутка?!

Столетов зло, с размахом швырнул в меня серебристой ручкой и прокряхтел:

– Это контракт стервы. Твоя мать когда-то его выполнила и в итоге вышла замуж за твоего отца.

– Мама?! – у меня глаза на лоб полезли. – Но она же самая настоящая...

– ...стерва. Да. Этот контракт – мое изобретение. Твоя мать была одной из первых, кто его опробовал. Впрочем, Зоя перешла черту, наломала дров и осталась стервой навсегда.

– Я не стану подписывать.

– Тогда останешься у разбитого корыта. Но это только первый пункт наказания за неисполнение. Почитай страницу сто восемьдесят один.

Столетов был очень доволен собой. Его маленькие бледные глазки злорадно блестели под седыми бровями.

Я открыла нужную страницу и прочла. Потом перечитала.

– Иосиф Иларионович, вас в тюрьму засадить нужно за жестокое обращение с психически ранимыми людьми.

– Ты не ранимая, Фрэнки. Ты – человеческий шлак. С вами по-иному нельзя, ибо не доходит.

В списке наказаний, помимо передачи управления корпорацией проклятому «Долу», значился пункт:

«...клиент, Франсуаза Константиновна Уварова, будет исключена из университета и направлена на обучение в Военно-морской флот РФ».

Держите меня семеро! Совсем с ума сошли – что Иосиф, что папа, что мама! Дело в том, что я была не только экологическим активистом, но и заядлым пацифистом. Я с четырнадцати лет работала на папину корпорацию, а последние два года, которые возглавляла благотворительный фонд, вела крупный проект совместно с миротворческой миссией.

– Мы ведь взрослые люди! Что это за методы?! – Я осеклась и обессиленно покачала головой: – Отец меня ненавидит.

– Не он один. Поэтому подпиши и разойдемся наконец.

– Могу я хотя бы прочитать контракт?

Иосиф поправил галстук-бабочку и переставил пешку на доске.

– Гос-с-поди, как вы все мне дороги. Унылая серая масса... Ну хорошо, почитай. Я пока делом займусь. Полезным на этот раз.

Он погрузился в раздумья по поводу судьбы пешки, а я углубилась в чтение, пробегая текст по диагонали, чтобы уловить общий смысл.

Через полчаса у меня горели щеки, а слов не находилось, чтобы выразить возмущение.

В контракте подробно описывались права и обязанности. Я должна была грубить тем, кто просит помощи, а именно – и дальше следовал список всех людей и организаций, кто заручился моей поддержкой. Кроме того, я обязалась хамить в общественных местах, ругаться с родственниками и друзьями (список имен прилагался).

Каждый день целого месяца был расписан, чтобы не расслаблялась. Иногда мелькала фамилия «Езерский», но вчитываться не было времени.

Более того (и этот пункт явно включила мама), к концу контракта я должна была лишиться невинности. Но кандидатом не мог быть мужчина из списка – и далее перечислялось двести пятьдесят имен; папины враги, все как один. У параноиков за каждым углом по другому.

Первым в списке, естественно, значился Максим Езерский. Еще бы! Отец не пережил бы, стань я подстилкой Егеря. Да я и сама скорее удавилась бы, чем пошла на такое...

Контракт стервы прожигал мои ладони ядом. Вот она, родительская забота во всей красе. Плакать хотелось от «умиления». А главное, я не имела права разглашать причину своего хамского поведения, то есть упоминать о контракте.

В ночь с тридцать первого декабря на первое января планировалось подведение итогов, и меня по всем пунктам намеревались проверить на детекторе лжи, к которому Иосиф прибегал часто и с удовольствием.

Если я справлюсь, отец официально объявит меня своей наследницей. Нет – управление семейной корпорацией перейдет к Максиму Езерскому, а отец уйдет на покой.

Честно говоря, заставить меня подписать подобный контракт мог только отец при личной встрече. Сбеги я из дома прямо сейчас – спаслась бы. Но бросить на произвол судьбы компанию, которой посвятила годы, в которой мечтала работать до конца жизни и передать своим детям? Нет, я была не настолько безответственна. И не настолько бесхребетна. К тому же я, по сути, была матерью своему младшему брату и не имела права подвести заодно и его, перечеркнув его мечты. Если бы я сбежала, он ушел бы следом за мной. Он не терпел, когда меня обижали и был жутко принципиальным, даже радикальным. Если у меня характера не было, то у брата его имелось в избытке, пеной через край.

Я сидела и не могла поверить, что папа готов был отдать семейное дело врагам, но не детям.

– Мне же всего двадцать четыре года, а вы толкаете меня на... это? – мой голос охрип, плечи поникли.

– Ты сама себя толкнула, когда родилась умственно отсталой. Все. Время сеанса вышло. Либо подпиши, либо убирайся. У меня перерыв.

Я проглотила клокочущий ком возмущения и медленно, обреченно поднялась.

– Сначала я поговорю с отцом. У меня появились вопросы.

– Фрэнки, милая, ты – ошибка Природы. Но я – ее венец. Так что иди, задавай свои глупые вопросы. Завтра утром начинается срок контракта. До тех пор можешь делать что хочешь, хоть с моста прыгай.

– Спасибо, Иосиф Иларионович. Вы умеете поддерживать.

– Это моя работа. Свободна.

Я взяла контракт и тихо вышла из кабинета. Домик Столетовых был двухэтажный, уютный. Мать Иосифа обитала на втором этаже. Обычно она при содействии сиделки «зависала» на форумах и ругалась в комментариях со всеми, кто ее раздражал. Слава интернету! Ведь раньше эта вулканическая женщина выплескивала замашки властелина мира на окружающих.

Наше поместье располагалось в Подмоскowie и было гордостью семьи Уваровых. Здесь держали конюшню с породистыми скакунами, за которыми я любила ухаживать; на участке располагались лаборатории, пекарня и, конечно же, «большой дом» – усадьба в три этажа, огромная и светлая, очень похожая на семейное гнездо Скарлетт О’Хары из «Унесенных ветром». Родители даже называли поместье так же: Тара.

Для меня поместье было частью души. Если бы отец шантажировал не «Константой», а Тарой, то контракт стервы был бы уже подписан.

Первым делом я промаршировала в домашний салон красоты, который для себя обустроила мама. Там ей сейчас делали педикюр. На лице Зои Уваровой сияла белая маска. И колечки огурца на глазах.

– Ты помогала составить этот в-возмутительный, в-вымогательский документ?! – напала я на мать с порога.

– Не повышай голос, собьешь ауру.

– Мама! Кто еще, кроме тебя, мог додуматься включить жестокий пункт о невинности?! Ты что, не понимаешь, какая беда нам всем грозит?! Отец передаст компанию этим... живодерам! Ты же знаешь, он так и поступит, нам на зло.

– Честно? Лучше они. Ты компанию раздаришь за день.

– Клевета! – Я плюхнулась в плетеное кресло с высокой полукруглой спинкой, еле сдерживая обиду.

– К тебе понабегут владельцы фондов и выпотрошат! Ты отдашь даже кирпичи, из которых сделан этот дом. Нет, солнышко... прости, но отец прав. Хватит. Ты должна наконец стать ответственной.

– В смысле, бесчувственной?

– Причем здесь чувства?! – Мать освободила один глаз от огурца и уставилась на меня, как курица. – Ты должна научиться говорить «нет». В конце концов, ты не Господь Бог, чтобы всем помогать.

– Я это прекрасно понимаю, мам... Но... ты хоть представляешь, сколько детей умирает от голода в мире? Сколько шкур сдирает в год проклятый «Дол»?!